

ЖУРНАЛИСТИКА

СТИЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ ЖУРНАЛА «ОГОНЁК» В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ: МЕЖДУ СОВЕТСКИМ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДИСКУРСАМИ

Е.М. Есикова

Кафедра русской литературы и журналистики XX—XXI вв.
Московский педагогический государственный университет
М. Пироговская ул., 1, Москва, Россия, 119992

В статье рассматриваются проблемы формирования нового публицистического стиля в журнале «Огонёк» периода перестройки (1985—1991) — от идеологизированного дискурса советской печати к демократическому дискурсу, в котором реализовались радикальные изменения в социуме и общественном сознании.

Ключевые слова: журнал «Огонёк», перестройка, публицистический стиль, идеологизированный дискурс, демократический дискурс.

К двадцатилетнему юбилею перестройки, оказавшей сильнейшее влияние на проблематику и речевые жанры российской журналистики, лингвисты пришли к неутешительным выводам: «У наших СМИ нет ощущения того, что своими текстами они формируют массовое общественное сознание. Отсюда падение вкуса, низменность содержания речи при попытках создания эдакого „стилевого винегрета“, где зощенковско-щукарский юмор соединяет арготические и просторечные находки с имеющимися в вульгарном сознании расхожими церковнославянизмами вроде „градов и весей“» [1].

«Перестройка — явление не только политическое, но и культурное, в частности — языковое» [2. С. 47]. Радикальные изменения в политической, экономической, социальной жизни привели к заметным сдвигам в языковом сознании. Формирование современного стиля публицистики происходило медленно, в напряженной борьбе противоположных тенденций, и нет оснований считать, что постсоветская эволюция публицистического стиля полностью завершилась.

Стиль рассматривается нами как «устойчивая общность образной системы, средств художественной выразительности, характеризующая своеобразие творчества писателя, отдельного произведения, литературного направления, национальной литературы» [3. С. 420]. Публицистический дискурс понимается нами как совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации на русском языке представителей данной лингвокультур-

ной общности, которая реализуется в сфере массовой информации [4. С. 4]. Именно этому дискурсу, в котором субъект выполняет явную социальную роль — выражает интересы социума, в который он входит, принадлежит в современном мире доминантная роль. «Публицистический дискурс характеризуется максимальной интертекстуальной проницаемостью и изменчивостью, и особый интерес этой дискурсивной формации состоит в том, что в ней знание структурируется как предназначенное для использования знание для современников и как освобожденное от прагматики знание для истории» [5. С. 71]. Стиль печатных СМИ эпохи перестройки — это некий тоннель от идеологизированного дискурса советской печати к доверительно-свободному, порой чересчур раскрепощенному дискурсу современных изданий.

Как пишет В.М. Березин, «основное свойство массовой коммуникации состоит в том, чтобы в процессе обсуждения ценностей бытия выявлять в объективной реальности новое (новые знания, новые представления о мире и человеке, новые ценности и их значимость для него) и тиражировать это новое, становящееся социальной информацией, с привлечением к диалогу все новых его участников» [6. С. 51].

С 1986 по 1991 годы, в эпоху перестройки, произошел переход от закрытого цензурного режима к гласности. Именно в это время пресса представляла главную оппозиционную силу и важнейший инструмент разрушения устоев советского общества. Во время перестройки отечественные СМИ имели все необходимые условия для проявления своей самостоятельности и независимости. Ни одна центральная газета в те годы не была закрыта, и ни один главный редактор не был снят за свою оппозиционность власти. Выражением огромного авторитета прессы были невиданные, гигантские тиражи российских газет (очевидно, они уже никогда не будут подобными): «АиФ» — 33,5 млн экземпляров, «Комсомольская правда» — 19 млн, «Труд» — 15 млн, «Известия» — 12 млн, «Советская Россия» — 8 млн [7. С. 20].

Следует признать, СМИ в то время имели серьезные основания, чтобы именоваться «четвертой властью».

Накануне перестройки, в 1985 г., газета «Московский литератор» пишет, что основная задача русской печати — «формировать морально-политический облик поколений, в основе которого коммунистическая идейность... горячее желание беззаветно служить делу дальнейшего совершенствования построенного в нашей стране развитого социалистического общества...» Этот лозунг полностью соответствует стилю советской печати и определяет содержание, пафос и стиль статей изданий перестройки на первом этапе «нового периода», а именно в 1986—1987 гг.

Стилистические особенности публицистики переходного периода мы рассмотрим на примере материалов журнала «Огонёк» — рупора новой свободной прессы перестройки, которому в 2009 г. исполнилось 110 лет.

Из писем в редакцию «Огонька»: «С 1949 года выписываем „Огонёк“. Все журналы храним в целостности и сохранности. По этим подшивкам лучше всякого учебника можно изучать историю страны. Журнал, как зеркало, отразил разные периоды в жизни нашей страны... Зато сейчас именно по „Огоньку“ мы судим о перестройке. Сегодняшнее время гласности мы не представляем без вашего журнала» [8. С. 2].

Действительно, именно «Огонёк» открывал доступ в мир для нового стиля общения и тематики российской прессы. «Это время незабываемое, время бесконечной веры в журналистов, в журналистику, время, когда с „Огоньком“ произошел парадокс. „Огонёк“ был знаменит тем, что в нем было очень много материалов по истории, он заново строил для советского человека историю страны — Сталин, коллективизация, война — читатель все узнавал с совершенно другой стороны, по-новому. Но надо заметить, что эти слои вранья, которые снимал „Огонёк“ — это были слои вранья, в которых сам „Огонёк“ в том числе и участвовал» [9].

Когда в разгар перестройки многие издания с точки зрения стиля все еще напоминали образцы классической советской риторики, «Огонёк» учился «говорить» на новом языке. Конечно, номера журнала 1986 г. — не самые яркие образцы демократической прессы. Например, в № 4 опубликован материал о доярке Смирновой — классический вариант советского очерка; апрельский номер целиком посвящен 116-й годовщине со дня рождения Ленина, а следующий за ним номер — Первомаю и демонстрациям. Повышенная концентрация советизмов очевидна в небольшом материале «В будущее — с открытыми глазами»: *работники идеологического фронта; подавать пример гласности, социалистический образ жизни, буржуазная идеология и мораль* [10. С. 24]. Частое риторическое использование лозунгов в печати А.М. Селищев отмечал как характерную черту постреволюционного русского языка уже через десять лет после Октября. Как видим, этот прием актуален и для 1980-х гг.: «Трезвость — оружие революции», «*Всем — добро пожаловать на древнюю Новгородскую землю!*» [11. С. 48].

Постепенно вместе со сменой тематики материалов журнала (на место политических сводок, интервью-анкет с политическими деятелями, очерков об «ударниках труда» приходят аналитические статьи о проблемах в разных сферах жизни) происходит смена авторской позиции в пользу открытости и, как следствие, индивидуальной авторской стилистической окрашенности текста. Это справедливо в отношении всех жанров газетной публицистики, представленных в «Огоньке». Например, таков полемический дискурс в статье 1987 г. «Брейк умер! Да здравствует брейк!» об особенностях танцевальной молодежной музыки: «Брейк, разумеется, жив. Правда, он существует теперь вдали от наших глаз — кое-где на дискотеках, в клубах, молодежных кафе. Взрослому попасть туда трудно, а если уж попадет, то могут и не показать — вдруг он „общественный товарищ“» [12. С. 17]. Как жанр публицистики интервью наиболее ярко отразило изменения, происходившие в языке СМИ [13. С. 53]. В том же году было опубликовано интервью под названием «Советский Союз нужно открывать заново» с Жераром Стрейфом — французским журналистом и писателем, который легко и с юмором описывает сложившийся во Франции искаженный образ Советского Союза: «Французам внушили, что советские люди — это лишённые индивидуальности механизированные существа, нечто вроде роботов из научно-фантастических фильмов» [14. С. 12]. Изменяется и композиция интервью. Речь журналиста, задающего вопрос, теперь вполне может превышать по объёму ответ героя. Редакторы стараются сохранить не только информативную составляющую беседы, но и особенности индивидуальной речи. Диалог, к которому неоднократно призывал в своих выступ-

лениях М.С. Горбачёв, становится одним из ключевых приемов обновляющейся публицистики. Даже внутри монологического журналистского текста возникают элементы диалога: авторы «Огонька» часто используют риторические вопросы, приводят различные точки зрения, стремясь обеспечить так называемый плюрализм мнений. В статьях журналистов «Огонька» стало активно использоваться авторское Я (*я убежден; на мой взгляд*). Иногда это Я акцентируется, подменяя Мы в устойчивой конструкции. Задавая вопрос в интервью американскому писателю Джону Апдайку, корреспондент «Огонька» Артём Боровик употребляет выражение «в моей стране». Для американца это звучит обыкновенно (*in my country*), но для советского человека такого выражения не существовало вовсе. Ставшее штампом словосочетание «в нашей стране» имеет в основе понятие коллективности — краеугольный камень советской идеологии.

Даже в короткой информационной заметке появляется не свойственная жанру экспрессия: «Проходил форум бурно, от телевизора не оторвешься, с редким единодушием, если не считать тоненьких голосов меньшинства» [15. С. 64]. Именно тогда во многих изданиях, в том числе на страницах журнала «Огонёк», рождалась та самая избыточная экспрессия, которая сегодня во многих современных публикациях переходит границы разумного. Однако в переходный период зарождения демократии и гласности экспрессия была оправданна: многое надо было рассказать читателям, долгие годы пребывавшим в информационной изоляции; она являлась стилевым признаком публицистического дискурса и печати *революции*. В современных СМИ налицо использование экспрессии для привлечения внимания аудитории, как в статье Н. Радуловой из апрельского журнала 2009 г.: «Одна проблема — жители Мурома были не в курсе. Вопрос: „Правда ли, что Муром — это город любви и романтики?“ — ставил в тупик всех опрашиваемых. „Вам проститутки нужны, что ли? — уточнили в гостинице. — Только у нас цены, как в Москве“. Работяги, дружно выкорчевывающие деревья на центральной улице, чтобы заменить их турецкой тротуарной плиткой, испугались: „Кака така любовь? Почему — город романтики? Закурить есть?“» [16. С. 29]. Очевидно, что все метафоры и эпитеты автор статьи употребляет в этих коммуникативных ситуациях с единственной целью — привлечь внимание читателя, невзирая на то, что этот публицистический дискурс имеет пренебрежительно-разговорный характер, невозможный в демократической коммуникации, и дискредитирует представителя «четвертой власти». Современные авторы — любители эпатажных средств эмоциональной выразительности — забывают, что они не только имеют право на свободу слова, но и несут ответственность за последствия своих публикаций, за влияние своего публицистического дискурса на формирование эстетического вкуса аудитории.

В целом, публицистический дискурс «Огонька» 1988 г. характеризуется стремлением к максимальной доступности «события общения» (Т. Ван Дейк) для успешной реализации информационной и воздействующей коммуникативных стратегий, а также к отказу от объективности тона высказывания в пользу открытой полемической позиции автора и яркой стилистической окрашенности текста. В журналистские материалы проникает множество разговорных и просторечных выражений; одновременно увеличивается количество используемых научных терминов. В годы перестройки массовому читателю пришлось осваивать не только

азы политики и экономики, но и соответствующую терминологию. В «Огоньке», в частности, упоминаются *мировой кинопрокатный рынок, инфраструктура, демократизация, правовое государство, внеэкономическое принуждение, прецедент, конъюнктура, налогообложение, инфляция* [17].

Использование стилистически сниженной лексики — один из приемов, с помощью которых выражалась активная авторская позиция и сокращалась дистанция «журналист—читатель». «Вместо официального, застегнутого на все пуговицы журналиста, говорящего от имени партии, явился автор, говорящий от своего имени, частный человек, автор-собеседник», — замечает Г.Я. Солганик [18. С. 4]. В материалах «Огонька» перестроечного периода смешение стилей в рамках одной статьи характерно для жанра репортажа или иронической аналитической статьи с элементами фельетона.

Несправедливо было бы не упомянуть, что вплоть до 1992 г. часть статей «Огонька» сохраняет отпечаток советского дискурса партийной печати. Это касается материалов, несущих в себе некий мобилизующий призыв к аудитории. Однако по сравнению с советской печатью это иная коммуникативная стратегия: не призыв бездумно следовать канонам и соблюдать идеологические правила, а наоборот, открыть глаза на вопиющие недостатки реальности и немедленно начать действовать: «Мы что, настолько простодушны, что можем рассчитывать на добровольную капитуляцию ее охранителей... Нависшая над номенклатурой опасность непременно сплотит и озлобит каждого, кто принадлежит к этому клану. Они будут защищать самих себя, своих жен, детей, внуков...» [19. С. 21].

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что материалы «Огонька» 1986—1991 гг. унаследовали некоторые дискурсивные практики советской печати. И все же журналисты перестройки явили миру новый для советских СМИ публицистический демократический дискурс.

На наш взгляд, с точки зрения выбора предметно-тематического материала и «активно-ответного характера» (М.М. Бахтин) его представления в демократическом дискурсе периодика перестройки представляет собой наилучший образец российской журналистики. До переломного периода 1986—1991 гг. советский дискурс с его штампами и лозунговостью лишь отдаленно напоминал публицистический: любая острая мысль заглушалась цензурой. Однако после перестройки этой самой цензуры (или культуры?), наоборот, стало не хватать, стерлись базовые морально-этические принципы, и на смену либерально-демократическому дискурсу пришел либерально-иронический, в котором в постмодернистском хаосе смешались обломки когда-то великих дискурсов.

Анализ журнальных публикаций периода перестройки позволяет обнаружить две коммуникативные модели. С одной стороны, советская публицистика на основе «новояза», с другой — стремящийся к диалогичности и стилистическому разнообразию обновляющийся дискурс демократической прессы, динамично формирующиеся и взаимодействующие вплоть до ситуации знаменитых «журнальных войн». Что касается сегодняшнего дня, то «Огонёк» пытается такие черты — хорошие фотографии, литературный язык, отрывки из хорошей публицистики и литературы — сохранить. «У нас есть свой круг писателей, которые как публицисты работают только с „Огоньком“ — это Михаил Жванецкий, Захар Прилепин, Денис Гуцко, Сергей Каледин...» [20].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аннушкин В.* Риторика в русском переплете. URL: http://www.pereplet.ru/text/annushkin_7.html
- [2] *Симон А.А.* «Больше демократии — больше социализма»: язык журнальной публицистики периода перестройки // Политическая лингвистика. Вып. (1)21. — Екатеринбург, 2007.
- [3] Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987.
- [4] *Бриченкова Е.С.* Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. — М., 2007.
- [5] *Ревзина О.Г.* Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. — Новосибирск, 2005.
- [6] *Березин В.М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. Серия: Практическая журналистика. — М.: РИП-холдинг, 2003.
- [7] *Ненашев М.* Независимость СМИ: иллюзии и реальность // Журналист. — 2008. — № 31.
- [8] Огонёк. — 1986. — № 4.
- [9] *Лошак В.* «Огонек» сильнее журналистов и тиранов. URL: <http://www.rian.ru/interview/20091221/200485426.html>
- [10] Огонёк. — 1986. — № 5.
- [11] *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. — М.: Либроком, 2008.
- [12] Огонёк. — 1987. — № 6.
- [13] *Земская Е.А.* Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: АСТ, 1996.
- [14] Огонёк. — 1987. — № 10.
- [15] Огонёк. — 1990. — № 5.
- [16] Огонёк. — 2009. — № 16.
- [17] Словарь перестройки / Под общ. ред. В.И. Максимова. — СПб.: Наука, 1992.
- [18] *Солганик Г.Я.* Язык современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. — 2004. — № 1.
- [19] Огонёк. — 1990. — № 6.
- [20] *Солганик Г.Я.* Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе. Вып. 1. // Журналистика и культура русской речи. — М., 1996.

STYLE OF «OGONYOK» MAGAZINE ARTICLES DURING THE PERIOD OF PERESTROIKA: BETWEEN THE SOVIET AND DEMOCRATIC DISCOURSE

Е.М. Yesikova

Department of Russian Literature and Journalism, XX—XXI centuries
Moscow State Pedagogical University
M. Pirogovskaya., 1, Moscow, Russia, 119992

The problems of formation of a new publicistic style in the «Ogonyok» magazine during the adjustment period of Perestroika (1986—1991) are reviewed in the article — from ideological discourse of the Soviet press to democratic discourse, in which radical changes in society and social conscience were implemented.

Key words: «Ogonyok» magazine, Perestroika, publicistic style, ideological discourse, democratic discourse.